

Китайцы - вежливый народ. Даже своему обидчику китаец не нагрубит в сердцах, а пожелает с учтивой улыбкой: «Чтоб тебе жить в эпоху перемен!» Смысл этого проклятия мы поняли, прочувствовав «прелести» жизни «в эпоху перемен» на своей шкуре: уже как лет десять перемены преследуют нас.

Выпало жить согласно древней китайской поговорке и рус-скому народу в начале XVIII века. Съездил царь Пётр Алексеевич в Голландию и, вернувшись, обрушил на страну такие преобразования, что в народе поползли слухи: «Царя подменили! Нашего оставили у себя, а в Москву отправили какого-то немца». Пищу слухам давали царские указы, хулящие и запрещающие всё русское и навязывающие немецкое, французское, венгерское. Что мог подумать о царе боярин, дворянин либо простой москвич-ремесленник, услышав такой царский указ «О ношении платья на манер Венгерского», оглашённый 4 января 1700 года:

«Боярам и Окольничим и Думным и Ближним людям и Стольником и Стряпчим и Дворяном Московским и Дьяком и Жильцам и всех чинов служилым и приказным и торговым людям, и людям Боярским, на Москве и в городех, носить платья, Венгерские кафтаны, верхние длиною по подвязку, а исподние короче верхних, тем же подобием; и то платье кто успеет сделать носить с Богоявления дни нынешнего 1700 года, а кто к тому дни сделать не успеет, и тем делать и носить, кончае с нынешния сырныя недели» (Полное собрание Законов Российской Империи с 1649 года, т. IV, СПб, 1830).

Богоявление - праздник Крещения Господня, отмечается 6 января православного стиля, то есть на пошив венгерского кафтана отводилось всего... два дня. Реальным был второй срок, названный в указе - «с нынешния сырныя недели», по-иному - с конца февраля.

Через год Пётр Алексеевич приказывает носить иностранные одежды уже не только придворной знати и чиновникам, но и большинству москвичей и жителей других городов:

"Боярам и Окольничим и Думным и Ближним людям и Стольникам и Стряпчим и Дворянам Московским и Дьякам и Жильцам и городovým Дворянам и детям Боярским и Гостям и приказным людям и драгунам и солдатам и стрельцам и чёрных слобод и всяких чинов людям Московским и городovým жителям, и которые помещиковы и вотчинниковы крестьяне приезжая, живут на Москве для промыслов кроме духовного чину, священников и дьяконов и церковных причетников, и пашенных крестьян, носить платье Немецкое верхния Саксонския и Французския, а исподнее камзолы и штаны и сапоги и башмаки и шапки Немецкия, и ездить на Немецких сёдлах; а женскому полу всех чинов, также и попадьям и дьяконицам и церковных причетников и драгунским и солдатским и стрелецким жёнам их и детям носить платье и шапки и кунтыши, а исподния бостроги и юпки и башмаки Немецкия ж, а Русскаго (платья) и Черкесских кафтанов и тулупов и аязмов и штанов и сапогов и башмаков и шапок отнюдь никому не носить, и на Русских сёдлах не ездить, и мастеровым людям не делать и в рядах не торговать. А кто с сего Его Великого Государя указа, станут носить платье штаны и сапоги и башмаки и шапки Русские и Черкесския, кафтаны и аязмы и тулупы, также и на Русских сёдлах ездить: и с тех людей в воротах целовальникам иметь пошлина, с пеших по 13 алтын по 2 деньги, с конных по 2 рубли с человека; также и мастеровые люди платье и сапоги и башмаки и шапки и сёдла Русские станут делать и в рядах торговать: и тем людям, за ослушание их, учинено будет жестокое наказание», (Именный указ «О ношении всякого чина людям немецкого платья и обуви; и об употреблении в верховой езде Немецких сёдел». «Полное собрание Законов...», т. IV, № 1887).

Усаживая русских на немецкие сёдла, царь не думал, будет ли им удобно сидеть не в своём седле: хотелось поскорее увидеть в Москве европейский порядок, пусть даже внешний, введённый палками. Ещё через год, в именном указе от 26 февраля 1702 года «О ношении парадного платья в праздничные церемониальные дни», он опять возвращается к тому же:

«Великий Государь указал: Царевичам и Палатным людям в Господские праздники и Воскресные дни, и на Свои Государевы Ангелы, и на приездах и на отпуску послов и посланников, и во время Его Государевых выходов носить кафтаны верхние суконные Французския, а под ними камзолы золотные, а Генералам и Полковникам и иных чинов начальным людям, в вышеписанные же дни, носить Французския суконные с украшением золотным, а камзолы золотные ж; а буде кого золотных нет, и тем носить и из иных парчей цветные, а Московских чинов людям и Дьякам носить Французския кафтаны и камзолы против того ж а иных ниж-них всяких чинов людям Французския ж, и камзолы у кого ка-кие

есть цветные. И сей Свой Великого Государя указ записать в Розряд в книгу, а по градским воротам прибить письма» («Полное собрание законов...», т. IV, № 1898).

Русские одежды XVII века

Видимо, несмотря на угрозу «жестокое наказания», а царь был крут на расправу, - новые порядки с трудом приживались: бояре, дворяне, мелкий чиновный люд неохотно меняли привычки, надеясь, что с государя дурь сойдёт и всё вернётся на круги своя. А потому - продолжали шить и носить удобное русское платье. Однако блажь крепко засела в царственной голове: накануне 1705 года, 22 декабря, Пётр Алексеевич решил запретить не только ношение, но и пошив, и продажу платья русского покроя. Напомнив, что он пять лет назад приказывал сменить одежду и, перечислив всех, кому велено исполнять его монаршую волю, он с 1 января 1705 года повелевал одеваться на иностранный манер, «а русских и черкесских кафтанов и тулупов и штанов и сапогов и башмаков отнюдь никому не носить и мастеровым людям не делать и в рядах не торговать. А буде кто с сего Великого Государя указа, Генваря с 1 числа 1705 года станут носить платье, штаны и сапоги и башмаки, Русские и Черкесские кафтаны и тулупы: и с тех людей в воротах целовальникам, которые поставлены для того сбора из приказа Земских Дел, имать: с пеших по 13 алтын по две деньги, с конных по два рубля с человека. Также и мастеровые люди, платье и сапоги и башмаки станут делать, и в рядах торговать: и тем людям

за ослушание их учинено будет жестокое наказание» («Полное собрание законов...», указ «О ношении всякого чина людям Саксонского и Немецкого, о неделании мастерам Русского платья, о неторговании оным в рядах, и о штрафах за неисполнении сего указа», т. IV, № 1999).

И опять - угроза: «за ослушание» «жестокое наказание». И снова - неудача: ну никак не хотели русские в одночасье становиться иноземцами! Тогда Пётр предполагает: если запретить торговлю русским платьем, то... И 17 декабря 1707 года (заметьте: перед Новым годом у царя появляется прямо-таки какой-то зуд нововведений) выходит очередной указ под названием «О клеймении немецкого платья и шапок»:

«В Китае (имелся в виду Китай-город - район Москвы близ Кремля - В.В.) в ветошных и в шапочных рядах Немецкое платье и шапки, которые делают портные и шапочные мастера, и в те ряды продают, клеймить, для того что платье и шапки многие делают не против Немецкого образца. И для того в тех рядах выбрать по человеку, из знатных и добрых людей, и у старост и у рядовых взять на них выборы, и велеть портным мастерам и шапочникам, те кафтаны и шапки для клейма приносить к ним в ряды, а без клейма отнюдь им того платья и шапок не продавать. А им выборным, то платье и шапки клеймить безденежно и без держания, и смотреть, чтоб то платье и шапки были против образца, а им рядовичам не клеймённого платья и шапок в ряды и на площадь отнюдь никому не покупать и не продавать. А которые платье и шапки сделаны будут не против образца: и им то платье не клеймить, и отдавать портным и шапочным мастерам назад, и велеть им переделывать против образца. А которые портные и шапочные

Царь Алексей Михайлович (1629—1676) в наряде Большой Казны

масстера станут кафтаны и шапки в рядах и на Красной площади за рядами и по перекрёсткам продавать не клеймя: и им рядовичам тех людей имать и приводить» («Полное собрание законов...», т. IV, № 2175).

Выкидывать роскошные и красивые зипуны и кафтаны, ферязи и охабни, перешедшие от предков, и облачаться в кургузое немецкое платье приходилось людям, на чьей памяти издавались совсем иные указы. В августе 1675 года отец Петра I, царь Алексей Михайлович, примерно наказал одного из своих приближённых за пренебрежение русскими обычаями: «Великий государь указал: князя Андрея княж Михайлова сына Кольцова-Мосальского из стряпчих написать по жилецкому списку (т. е. сильно понизить в звании - В. В.) за то, что он на голове волосы у себя подстриг. А стольникам и стряпчим, и дворянам московским, и жильцам указал Великий Государь свой Государев указ сказать, чтобы они иноземных немецких и иных обычаев не перенимали, волосов у себя на голове не подстригали, також и платья, кафтанов и шапок с иноземских образцов не носили, и людям своим потому ж носить не велели. А будет кто впредь учнёт волосы подстригать и платье носить иноземского образца, или такое же платье объявится на людях их: и тем от Великого Государя быть в опале, и из вышних чинов написаны будут в нижние чины» («Полное собрание законов...», т. III).

Сыну Алексея Михайловича, Петру, в тот год исполнилось три года, а несколько месяцев спустя на престол взошёл его старший брат Фёдор Алексеевич. Кстати, он тоже «воевал» с русскими одеждами, в 1681 году повелев всем придворным и думным чинам носить короткие кафтаны вместо прежних длинных охабней и однорядок; одно время в старинных длинных платьях даже запрещалось входить в Кремль. Царствование Фёдора Алексеевича продолжалось шесть лет, по его смерти мастерам заказали сразу два трона - для Ивана и Петра. В Оружейной палате Кремля и ныне можно видеть сей двойной трон с перегородкой с окошком, приставленной к спинкам: в окошко царевна Софья Алексеевна подсаживала юным царям, что и как говорить послам на приёме. Двум царствам вскоре кончилось - царь Иван умер, но Пётр, за малолетством, по-прежнему опекался сестрой (за короткое царствование Софья Алексеевна успела тихо и мирно присоединить к России земли по Амуру, подписав с китайцами договор). Царственный отрок, однако, не столько слушал умную и рассудительную старшую сестру и её сподвижника князя Василия Васильевича Голицына, стоявших за старину, за развитие страны в русле дедовских обычаев, сколько иноземцев Франка Лефорта и Патрика Гордона.

Размышляя о том, почему иностранцы презирали Русь, наш современник преосвященный Тихон, епископ Бронницкий объяснял: «В строгих иноческих обителях и скитах, в государевых покоях и крестьянских избах, в постах и молитвах, в битвах и трудах творилась неповторимая русская культура, вся проникнутая неземным светом глубокого и искреннего благочестия, тихого и мудрого созерцания, светом осмысленного, озарённого великой целью бытия.

Такой возвышенный строй русской культуры оказался недоступен, непонятен для суетной и кичливой Европы, не желавшей и не умевшей ценить чужие достижения. Приезжие иностранцы, возвращаясь домой, предпочитали просто-напросто охаивать то, чего не могли постичь; так уже с XVI столетия на Западе укоренился миф о «русской отсталости», о «российском варварстве», который и сегодня, на исходе XX века, с каким-то сладострастным упоением продолжают развивать нынешние западники и либералы» («Русь православная», № 31, 1996).

Немцам удалось внушить впечатлительному юноше, что ему выпало несчастье родиться царём дикой, «варварской» страны. Уроки «благожелателей» не забылись: став единоличным правителем

России, Пётр принялся втискивать огромную страну в узкие европейские рамки «приличия», соизмеряя свои представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо» с тем, а как там, в Европе? И тянется рука к перу, перо - к бумаге, как говаривал потом поэт, воспевший царя, поднявшего Россию на дыбы, и вот уже перо, повинувшись монаршей воле, выводит:

«Генваря 16, 1705 года. На Москве и во всех городах, Царедворцам и дворовым и городовым и приказным всяких чинов служивым людям, и Гостям и гостиной сотни и чёрных слобод посадским людям всем сказать: чтоб впредь с сего Его великого Государя указа, бороды и усы брили. А буде кто бород и усов брить не похотят, а похотят ходить с бородами и усами, и с тех имать, с Царедворцев и с дворовых и с городских и всяких чинов служилых и приказных людей, по 60 рублей с человека; с Гостей и с гостиной сотни первые статьи по 100 рублей с человека, средней и меньшей статьи, которые платят десятое деньги меньше 100 рублей, с торговых и посадских людей по 60 рублей, третья статья, с посадских же и с Боярских людей и с ямщиков и с извозчиков и с церковных причетников, кроме попов и дьяконов, и всяких чинов с Московских жителей по 30 рублей с человека на год. И давать им из приказа Земских дел знаки; а для тех знаков и для записки приходиться им в приказ Земских дел без мотчания, а в городах в Приказные избы; а те знаки носить им на себе (...) а с крестьян имать везде по воротам пошлину, по 2 деньги с бороды,

по вся дни, как ни пойдут в город и за город; а без пошлин крестьян в воротах, в город и за город, отнюдь не пропускать (...) буде они Воеводы и Бурмистры станут в том чинить кому поноровку и им Воеводам за то быть в опале, а Бурмистрам в наказаниях в разорении без всякой пощады» («Полное собрание законов...», т. IV, № 2015).

30 рублей по тем временам - большие деньги: плотник, слесарь, кузнец получали годового жалования не более 10 рублей. Выкупить бороду могли только богатые, а прочие, скрепя сердце, вынуждены были осквернять себя, ведь борода и усы испокон веку считались святыней, богоданным украшением мужчины. В «Правде Роськой» - своде законов языческой Руси - предусматривалось, что за отсечённый палец виновный платил штраф в 3 гривны, а за клоч бороды или вырванный ус - в четыре раза больше: за нанесённое оскорбление достоинству человека обидчик наказывался более сурово, нежели за причинение увечья. Прошли века, но и в начале XVIII столетия православные люди почитали бороды не меньше язычников. Тем не менее царя это не остановило...

В то время крестьянское сословие составляло около 80 % населения страны, землепашцев указы не касались, царь «переодевал» только горожан. Конечно, те неохотно повиновались сумасбродным желаниям монарха, а кое-где и — бунтовали. Когда в Камышин пришло повеление, чтобы служилые люди обрили бороды и надели немецкое платье, то жители — повиновались, а вот свободолюбивые донские казаки, узнав об этом, осадили город и взяли его. Шесть недель они занимали город и чинили расправу: рубили головы и топили тех, кто повиновался царскому указу. Естественно, в одном отдельно взятом городе сохранить милую их сердцу старину казакам не удалось, и при приближении царских войск они покинули Камышин, приказав напоследок камышницам не брить бород и не носить немецкое платье...

Впрочем, в череде законов Петра появились и вселяющие надежду: царь одумался и вот-вот гонения на русские обычаи прекратятся. 1706 год ознаменовался именным указом «О повелении сибирским жителям носить такое платье, какое кто пожелает и при верховой езде употреблять прежние их сёдла». «В минувшем 1705 году, - говорилось в нём, - посланы во все Сибирские го-роды Наши Великого Государя грамоты о платье и об иных тому ж подобных делах, и Сибирских городов всяких чинов жители били челом Нам Великому Государю, что им для скудости их носить платье, также и сёдла держать по-прежнему. И Мы, Великий Государь, указали: те посланные Наши Великого Государя грамоты все отставить, и по них ничего не чинить; а носить платье, также и сёдла и прочее подобное тому, как кто что похо-чет, для того что посланы те Наши Великого Государя грамоты, не спра-влясь с Нашим Великого Государя указом» (Полное собрание законов..., т. IV, № 2132). Однако сибиряки не долго радовались монаршей милости, получив царский указ, в котором царь сообщал: «...ведомо учинилось, что в сибирских городах служилые люди делают себе, детям и жёнам портища золотые и серебряные, бархатные и объяриновые, и байбараковые и орбажные, и с широкими золотыми и серебряными кружевами, холодные; а также на соболях, лисьих чёрных дорогих мехах, чего им по их чину носить не довелось». Короче, всяк сверчок знай свой шесток...

Русские крестьяне XVII века. Русские крестьянки XVII века.

Обе картин сняты с рисунков, сделанных членом немецкого посольства, приезжавшего в Россию при царе Михаиле Федоровиче

Чуть позднее Пётр прогневается на столичную молодёжь за ношение... иностранных одежд. «Дошло до нас, — извещал он в указе, — что сыны людей именитых в гишпанских штанах и камзолах по Невскому щеголяют предерзко. Господину губернатору Санкт-Петербурха указую: впредь оных щеголей вылавливать и бить кнутом по ж..., пока от гишпанских штанов зело препохабный вид не останется».

Что же получается? То - жестокое наказание за ношение русских одежд, то - битьё кнутом за «гишпанские штаны»? И почему сибирякам можно ездить в русском кафтане на русском седле, а нижегородцам да тулякам по-прежнему надо трястись не в своем седле?

Щеголей секли за ослушание: царь велел носить бельё саксонское, камзол французский, а про «гишпанское» не упоминалось. Возможно, и насмешку в испанском наряде усмотрел. Сибирь же - далеко, а царь стремился «перековать» сознание, изменить образ жизни прежде всего высшего слоя Петербурга, Москвы, других крупных городов. Не случайно во всех указах об изменении «формы одежды» оговаривается: «кроме духовного чину и пашенных крестьян». Последних царь и за людей не считал - пашут землю и пашут себе, пусть даже и в ненавистном ему русском армяке. Духовные же лица...

Вероятно, Пётр Алексеевич слышал историю о том, как великий князь Василий Иванович, отец Иоанна Грозного, пытался ввести бритьё бороды на иноземный манер: побрился сам и призывал всех следовать его примеру. И что же? Священники осудили царя за дерзкий поступок и заставили отказаться от мысли скоблить щёки и впредь. А когда боярин Никита Иванович Романов, дядя царя Алексея Михайловича, любивший щеголять в немецком платье, одел в немецкие ливреи и свою дворню, то патриарх Никон велел изрезать в куски и сжечь еретическую одежду.

Великий князь Василий Иванович. Рисунок из сочинения Герберштейна «Записки о Московии». Великий князь одет в домашнюю шубу, с петлицами на груди, на нём шапка, обшитая Соболевым околышем, сапоги татарские, с загнутыми носками

От гнева духовных лиц Пётр Алексеевич обезопасил себя, не затрагивая реформами быта и обычаев священнослужителей. По смерти же патриарха Адриана упразднил патриаршество, сам став первосвященником, дабы новый патриарх не препятствовал его починам, как патриарх Адриан, издавший послание пастве против брадобрииц, именуя их «котами» и страшая православных вопросом: если они бреют бороды, то где станут на Страшном Суде - с праведными ли, украшенными брадою, или

с бритыми еретиками?

Царь ещё в молодые годы, в 1699 году, чтобы дискредитировать сам институт патриаршества, организовал «всешутей-ший, сумасброднейший и всепьянейший собор»: забаву в форме антирелигиозных богохульных маскарадов, - хорошо продуманную неприличнейшую пародию на церковную иерархию и православное богослужение. Яростные нападки на Православие и глумление над обрядами, доходившие до бешенства и открытого кощунства, Пётр I не оставлял до самой смерти.

А.Н. Толстой в романе «Пётр Первый» с сочувствием изобразил сцены брадобрития царём роскошных купеческих бород. Только не купцам сочувствовал писатель - царю: приходилось и указы собственноручно писать, и самому исполнять их. Может, царь хотел как лучше?

Цирюльник раскольнику бороду стрижёт. Лубок. XIX век -

Одежда князей и зажиточных людей XVII века

Спустя без малого три сотни лет психологи открыли закон: враждебное и боязливое отношение к чужому, называемое ксенофобией - чрезвычайно стойкое свойство человеческой природы, присущее и первобытному, и современному человеку. А у русских, обоготворявших предков и старину, -и тем паче. У нас любовь к родине, к своей земле, к «дыму Отечества, сладкому и приятному» - чувство не благоприобретённое, а врождённое. Понимал ли это Пётр I? Бог весть... Вообще, беспристрастной оценки его правления, на мой взгляд, нет до сих пор: сначала историков сдерживала его принадлежность к царствующей династии, затем революционеры провозгласили Петра «первым большевиком», нынешние демократы-реформаторы тоже считают его своим, а у демократов о своих, как о покойниках, говорят только хорошее.

Так или иначе, но именно Пётр I законодательно запретил особам царствующей фамилии жениться на... русских девушках. И до Николая II включительно сей завет предка неукоснительно соблюдался: за невестами наследники престола ездили в Европу. Глядя на монарха, и дворяне стремились вести под венец мисс, мадам, фрау или, на худой конец, паночек. Высший, руководящий слой русского общества постепенно стал по крови (и по духу - это уж само собой) вовсе не русским. Дворяне бросились составлять свои родословные, выискивая в глубинах лет своих мифических предков-иностранцев, не брезгуя подделкой документов, ибо как из русских прадедов сделать немцев? Из 933 родословных 804 оказались иностранного происхождения. Потомками немцев заявили себя Клычёвы, Кутузовы, Салтыковы, Епанчины, Толстые, Шереметевы, Беклемишевы, Левашевы, Хвостовы, Бобрыкины, Васильчиковы и многие другие; потомками шведов - Воронцовы, Сумароковы, Ладыженские, Вельяминовы, Богдановы, Зайцевы, Нестеровы и прочие; потомками итальянцев Елагины, Панины, Сеченовы, Чичерины, Алферьевы, Ошанины, Кашкины и т.п.; потомками греков - Жуковы, Стремоуховы, Власовы; англичан - Бестужевы, Хо-мутовы, Бурнашевы, Фоми-цыны; венгров - Батурины, Колачёвы; Апухтины и Дивовы «оказались» французами, а Лопухины, Доб-рынские и Сорокоумовы -черкесами. Князья Кропоткины, происходящие от Рюрика, заявили себя потомками одного золотоор-дынского хана:

русские дворяне готовы были вести свой род откуда угодно, лишь бы не из России! Весь XVIII век шло отдаление верхов от своего народа, и если в начале века князь Фёдор Юрьевич Ромодановский и его крепостной крестьянин Тимофей носили кафтаны одного русского покроя, изъясняясь на одном, русском, языке, то на исходе столетия князь Куракин, одетый на французский манер и по-французски же беседующий с женой и детьми, являл разительное отличие от своих крепостных крестьян, сохранивших русское обличье.

Княжеские одежды XI века

Уже в 1730-е годы, при Анне Иоанновне, в царском дворце разговаривали не иначе, как по-немецки. Окончательно же правящий класс «переоделся» во всё европейское в царствование «матушки Екатерины», при ней же приличествующим для знати языком стал французский.

Моды в России в 1779 году. В центре — щеголиха на гулянье. В верхнем левом углу — головной убор по манеру шишака Минервина, или по-драгунски; слева внизу — левантский тюрбан. С рисунка, приложенного к журналу «Модное ежемесячное сочинение», издание 1779 года

Один из сатирических журналов екатерининских времён ехидно замечал: «Проснувшись в полдень или немного позже, молодой человек первое мажет лицо своё парижскою мазью, потом набрасывает пудреман и по несколько часов проводит за туалетом, румяня губы, чистя зубы, подсурмливая брови и налепливая мушки...»

Сатирик преувеличивал? Но вот описание нравов высшего общества тех лет, оставленное в книге «Старая Москва» знатоком русского быта XVIII века М. И. Пыляевым: «По требованиям моды роскошь в костюмах доходила до крайностей: бархат, кружева и блонды, серебряные и золотые украшения считались необходимыми принадлежностями туалета (...) Особенное внимание щеголей было обращено на головную уборку: завивание волос, пудру и парики. Убрать голову согласно с требованиями светских приличий, как для мужчин, так и для женщин, было хлопотливое и нелёгкое искусство. Волосы были завиваемы буколь в двадцать и более, щеголи просиживали за таким занятием часа по три и по четыре». Кудри завивали наподобие «заливных труб и винных бочёнков», как острил журнал «Пустомеля».

Женщины, переняв моду у французенок, вставлялись в пышные платья. Именно вставлялись: подол

платья держался на каркасе из китового уса, ниспадая по его рёбрам напоподобие абажура. Шлейф платья волочился по земле. Пример подавала

Моды в России 1779 года. В центре — счастливый щеголь. В верхнем левом углу — убор а-ла-бельгуль; слева внизу — причёска «Расцветающая приятность». Справа сверху — причёска «Раскрытые прелести»; Внизу — причёска «Прелестная простота». С рисунка, приложенного к журналу «Модное

ежемесячное сочинение», 1779 год.
Князь Г. А. Потёмкин-Таврический. С гравированного портрета Харитонова

сама императрица Екатерина II: шлейф её коронационного платья растянулся... На сколько бы вы думали? На семьдесят метров!

Допустим, причуды позволительны царям, к тому же коронация случается раз в жизни. А каково приходилось в тесной прусской одежде нашим солдатам, изо дня в день втискивавшимся в мундир и прикрывая завитые в букли и заплетённые в косы волосы напудренным париком! Против тесной, неудобной для солдат одежды выступали великие русские полководцы Пётр Александрович Румянцев и Александр Васильевич Суворов, но... Великими они были на полях сражений, а во что одевать солдат - решали не они. На счастье, президентом военной коллегии стал фельдмаршал

Потёмкин, муж Екатерины II- (они тайно обвенчались, так как по закону о престолонаследии вдовствующая императрица вступать во второй брак не могла). В «Записке об одежде и вооружении войск» Потёмкин дал убедительные обоснования в необходимости коренного изменения существующих одежды, обуви, снаряжения российских войск, а в дальнейшем - и осуществил свои предложения.

«В Россию, когда вводилось регулярство, - писал Григорий Александрович Потёмкин, - вошли офицеры иностранные с педантством тогдашнего времени; а наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда, почли всё священным и как будто таинственным. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, в ружейных приёмах и пр. Занимая себя таковою дрянью,

и до сего времени не знают хорошо самых важных вещей и оборотов, а что касается до исправности ружья, тут полирование и лощение предпочтет доброте, а стрелять почти не умеют. Словом, одежда войск наших и амуниция такова, что придумать почти нельзя лучше угнетению солдат, тем паче, взят будучи из крестьян в 30 почти лет возраста, узнаёт узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее платье и пропасть вещей, век сокращающих.

Великий князь Павел Петрович (будущий император Павел I) в 1781 году. С гравированного портрета Скородумова

Красота одежды военной состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением. Платье чтобы было солдату одеждою, а не в тягость; всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно есть плод роскоши, требует много времени, иждивения и слуг, чего у солдата быть не может. На сём основании предложу по порядку: (...)

Штаны лосинные (...) зимою от них холодно, а летом жарко, под ними же нельзя иметь полотняной одежды. Ныне лосиная одежда не нужна; в старину её носили для того, что употребляли железные латы, и как лосина больше могла сносить, нежели сукно, потому и предпочиталась. (...) Завивать, пудриться, плесть косы - солдатское ли сие дело?; у них камердинеров нет. На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков: что встал, то готов. (...) Просторны сапоги пред узкими и онучи или портянки пред чулками имеют ту выгоду, что в случае, когда ноги намокнут или вспотеют, можно при первом удобном времени тотчас их скинуть, вытереть портянкою ноги и, обертев их, опять сухим уже оной концом, в скорости обуться и предохранить их тем от сырости и ознобу. В узких же сапогах и чулках того учинить никак не можно, да и чулок не всегда бывает возможность переменить или высушить, через что бедные солдаты, имея безпрестанно ноги мокрые, подвергают нередко себя простуде и другим болезням; не имея нужды при узких сапогах подвязывать крепко свои ноги, солдаты могут и свободнее ходить, и более перенести путевого труда, и обращение крови не останавливается» («Памятники новой русской истории». Сборник статей. Спб, 1873, т.3, с. 311-315).

В апреле 1786 года при утверждении новых штатов и табелей по предложению фельдмаршала князя Потёмкина была введена новая форма одежды российских войск, коренным образом отличавшаяся от прежней, ведущей своё начало ещё от Петра I. Отменены пудра, букли, косы, широкополые шляпы, узкие кафтаны, камзолы с рукавами, узкие штаны, штиблеты, башмаки.

Нижним чинам мушкетёрских пехотных рот полагалась каска, короткий кафтан, камзольчик, галстук, длинные просторные шаровары, круглоносые сапоги, китель для лета и епанча при холодной ненастной погоде.

Александр Васильевич Суворов

Рядовые мушкетёрских полков в форме, получившей название «потёмкинской реформы»

Но воцарился Павел I - снова вернулись в казармы, на муку солдатам, неудобные прусские мундиры. Суворов, выступивший против отмены потёмкинского костюма, так отзывался о прусском обмундировании: «Нет вшивее пруссаков: лоузер или вшивень назывался их плащ, а головной их убор вонью своею вам подарит обморок. Мы от гадости были чисты, а они первая доука ныне солдат. Стибле-ты - гной ногам... Букли - не пушки, пудра - не порох, коса - не тесак, я - русский, а не пруссак», а затем добавлял: «Русские прусских всегда бивали, чего же тут перенимать?»

Император Александр III Александрович (1845—1894)

Проществовал император Павел недолго, а введённый им мундир, правда, уже без парика, в основе своей стеснял русского солдата до 1880-х годов, когда император Александр III, активный участник Турецкой войны 1877-1878 годов (тогда он был ещё наследником престола), на практике изведавший боевую тяжёлую обстановку, стал инициатором всех преобразований в армии, в том числе и формы одежды. В манифесте от 29 апреля 1881 года император Александр III выдвинул на первый план «поддержание порядка и власти, блюдение строжайшей справедливости и экономии, возвращение к исконным русским началам и обеспечение повсюду русских интересов».

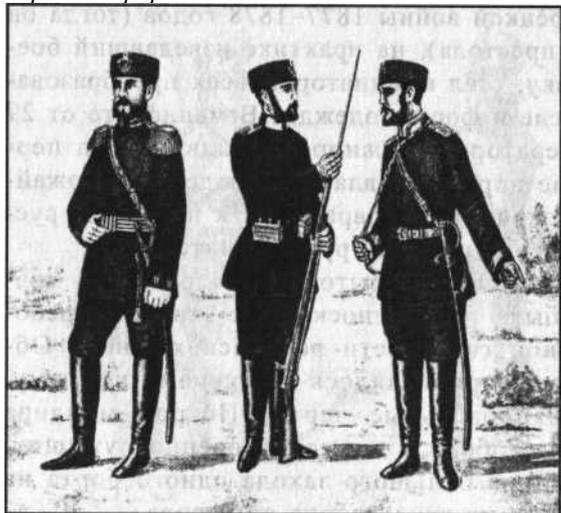
Плащ-парадная форма одежды, бытовавшая до того, - красивая, щеголеватая, - была тесна в носке и не отвечала требованиям мобилизационной готовности российских войск. Обмундирование по покрою приблизилось к русскому костюму, стало отражать его национальные черты. Покрой мундира

обеспечивал не только свободу в движении военнослужащих, но при наличии в мундире большого захода одного борта на другой увеличивалась защита груди воина от холода.

В завершение разговора об армейской одежде - несколько любопытных фактов.

Унтер-офицер лейб-гвардии Преображенского полка в парадной вне строя форме; фельдфебель лейб-гвардии Финляндского полка в парадной для строя форме; рядовой лейб-гвардии Павловского полка; нестроевой лейб-гвардии Волынского полка в парадной форме. 1880-е годы

Штаб-офицер, рядовой и фельдфебель пехотных полков в парадной форме. 1880-е годы

Всем известная ныне верхняя одежда как солдат, так и офицеров - шинель (епанча с рукавами) - впервые появилась в ассортименте обмундирования российских войск у егерей в 1760-х годах. Первоначально она была зелёного цвета, длиною до икр, с узким отложным воротником, втачными рукавами, двумя хлястиками на спинке, застёгивалась на медные пуговицы. Шинель заменяла егерям кафтан и епанчу.

В 1862 году для занятий гимнастикой вводится льняная рубаха, прообраз знаменитой гимнастёрки, в дальнейшем около сотни лет находившейся на снабжении русской и советской армии. Первоначально была белой, затем защитного цвета.

Кстати, впервые обмундирование защитного цвета цвета хаки (т. е. коричневато-жёлтого) ввели англичане в 1895 году. Исследования показали, что наиболее демаскирующим и уязвимым на полях сражений оказался белый цвет, далее идут ярко-жёлтый, чёрный, синий, красный, тёмно-зелёный, ярко-зелёный, коричневый и голубой цвета. Наименее заметные: желтовато-коричневый, серый, синевато-серый, зеленовато-серый, оливковый, желтовато-зеленовато-серый, голубовато-серый. В Русско-японской войне русские войска не применяли защитного обмундирования, что обусловило большие потери. В 1906 году и в русской армии ввели летнее защитное обмундирование, зеленовато-серого и желтовато-серого цвета.

Император Николай II Александрович (1868—1918)

Император Николай II, как и его отец, много внимания уделял армии, знал её нужды не понаслышке. Так, чтобы испытать, удобна ли новая армейская форма для солдат, он в полной экипировке прошагал по дорогам Крыма 25 вёрст. О его отце, императоре Александре III, рассказывали, что он не терпел роскоши, пищу любил самую простую (щи, кашу, ки-сель). Нередко обед и ему, и всему августейшему семейству доставляли из ближайшей солдатской столовой. Причём, никто из царского окружения не знал, из какого полка царю захочется откусать солдатский харч.

В 1912 году приказом по военному ведомству № 218 для нижних чинов всех воинских частей была введена походная рубашка русского покроя (косоворотка). Она изготовлялась из неворсованного мундирного сукна защитного цвета, была без карманов, со стоячим воротником, застёгивающимся у левого плеча справа налево на две пуговицы. Стан рубашки снизу не подрубался, а обрезался по лекалу. Рукава с прямыми манжетами застёгивались на две пуговицы.

Пригласительный билет на маскарад к обер-италмейстеру Л. А. Нарышкину. Факсимиле с подлинника

Но вернёмся к одежде гражданской, в XVIII веке потерявшей русское обличье и ставшей иноземкой в своём Отечестве. Ещё в середине XVI века, когда впервые москвитяне примерили немецкое платье, блюстители святоотеческих преданий предупреждали людей, «позавидовавших ризам неверных», что увлечение чуждыми обычаями грозит горем всему роду

православному, коли он «прельстится на порты и шлыки неверных, имущие их на себе». Через два столетия очевидец сбывшегося пророчества замечал: «Всё у российских дворян иностранное, всё в руках иностранных, всё на пользу иностранным, да и сам господин в доме часто бывает, душою и познанием онаго, не что иное, как иностранец». Чтобы не быть голословным, сей очевидец перечисляет расточительные траты щеголей и щеголих, «наученных воспитателем своим и Парижем презирать всё русское, кроме денег»: «Перемена совершается не только в покрое одежд, в образовании уборов, но даже в цвете и веществе изтканий, в отличии прикрас и в самых именах. Сколько раз, в течение не больше одного года, а много двух и трёх, преображались фраки, сколько переменено бывало пуговиц, пряжек, часов, цепочек, табакерок, перстней и прочего, и даже шляпы, башмаки и сапоги подвержены сей же перемене! Но что принадлежит до одежд, приборов, наколок, шляпок и прочих украшений женских, сих и чрез один год сами щеголихи не упомнят. Все моды суть, яко цвет сельный: процветут и увянут», а франты и франтихи устремляются уже за новыми нарядами, «прежние же забыты, брошены истлевать в гардеробе, или розданы слугам и служанкам, либо проданы на рынке за пятидесятую долю и меньше, прежней цены своей». «Кто же от онаго расточения приемлет мзду?» - спрашивает он и сам же

отвечает: «Иностранец, вымысливший, сделавший и привезший в Россию оныя вещи; иностранец, торгующий здесь сими товарами, под именем гостя; иностранец портной, иностранка уборщица, изобретшая, или выписавшая образцы нарядов, и данных ей в научение господских крепостных девок руками сшитая; иностранец архитектор, иностранец домов уборщик! напоследок, кто же всем оным управляет в домах, и питается от крупниц падающих? Иностранцы служители и служительницы, под разными званиями, в разных должностях, разными средствами господ русских скрадывающие...»

Кто же он, не терпящий иностранцев, вопреки русскому радушию, и выискивающий врагов народа среди представителей просвещённого Запада, приехавших в Россию, дабы послужить ей и прогрессу? Кто сей ксенофоб, русский шовинист и русский фашист (хотя таких понятий XVIII век не знал)? Его имя - Иоанн Готлиб Георги. В 1797 году в Санкт-Петербурге вышла его книга «Описание всех, обитающих в Российском государстве, народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей». На титульном листе IV тома (из этого тома, с. 145-146, и взят вышеприведённый отрывок) помечено: перевод с немецкого подлинника, в Санкт-Петербурге напечатанного, под названием «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вере, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей».

Иоанн Готлиб, родом из Померании, в России обрёл вторую родину; сподвижник Палласа и Фалька, в 1770-х годах исследовал Астраханский край, берега реки Урал, Исетскую провинцию, Барабинскую степь, Алтай, Иркутский и Байкальский край, Даурию. Россию и русский народ он знал и любил не меньше многих русских, и эта симпатия к русским обычаям и быту - отличительная особенность его этнографических трудов. К сожалению, издал он их в 1776-1780 годах на немецком языке; книгу тут же перевели на французский и на русский языки, однако на русский - не полностью. Что же смутило переводчиков? Не откровенные ли суждения о талантливости русского народа? В 1787 - 1802 годах Георги издал в Кенигсберге 9-ти томное географическое описание страны - ценный труд, явившийся прототипом всех дальнейших руководств по географии России. Прогресс, цивилизация, интеграция, общечеловеческие ценности да общеевропейский дом - обо всём этом И. Г. Георги, как и все его современники, и понятия не имел, однако он не сомневался в том, что не доступно уму экономистов-россиян конца XX века: «Не оспоримо, что в Империи, обширнейшей под Небесами, в Империи многолюдной и многоплодной роскошь может быть не избежна и даже на Иностранная произведения с умеренностию позволена; но нужно бы при том непременно всякому Россианину помнить, что кто покупает товар иностранный, вместо отечественного, тот похищает Государственное иждивение, и лишая граждан своих пропитания, ущербляет оное и у себя; что деньги свои бросает он в такую бездну, из коей никогда уже не достанет оных, а что данная согражданину, рано или поздно, паки возвратятся к нему, Взы-мая от Иностранной житейския потребности и зловредныя моды, передадут, со временем, все деньги свои, и будут для них только в земле рыться, дабы заплатить суровыми и малоценными произведениями своими долги, в кои вошли, покупая у Иностранцев, легко сделанныя ими игрушки. Когда не станут рачить о возделании собственной земли, о заведении рукоделен, водо-действенных горнил и ремёсел, а всякия изделия, и даже производима дома, брать от Иностранной, и тем доставлять им усугубление богатств: то тем споспешествовать будут учиниться Иностранной многолюднее и сильнее себя, а при том и скуют сами себе оковы, коими Чужестранцы укрепят их в тяжкой своей зависимости».

Православные знают: Господь наказывает грешников тем, кто к чему порочную склонность имеет. На рубеже XVIII-XIX веков русское общество без меры увлеклось французскими нравами, обычаями, языком. И получило - нашествие Наполеона. Но и гроза 1812 года не отрезвила господ. А. С. Пушкин в повести «Барышня-крестьянка» поведал о новом увлечении дворян: отец Лизы, героини повести, Григорий Иванович Муромский, «был настоящий русский барин. Промотав в Москве большую часть имения своего и на ту пору овдовев, уехал он в последнюю свою деревню, где продолжал проказничать, но уже в новом роде. Развёл он английский сад, на который тратил почти все остальные доходы. Конюхи его были одеты английскими жокеями. У дочери его была мадам англичанка. Поля свои обрабатывал он по английской методе...»

Н. И. Корнев. Калики переходящие с поводырем из Орловской губернии

В этой же повести Пушкин, едва ли не первый из наших писателей, представил читателю бездну, образовавшуюся между правящим классом и народом. Лиза, захотев тайно взглянуть на соседа-помещика Алексея, решила нарядиться в крестьянскую одежду. «На другой же день приступила она к исполнению своего плана, послала купить на базаре толстого полотна», - пишет А. С. Пушкин. Примечательно, что народный костюм отличался от барского, так сказать, даже наощупь: как тут не вспомнить загадку о рубашке: «У бедного толсто, у богатого тонко, всегда при себе». В отличие от княжон и княгинь времён Иоанна Грозного, наши барышни в начале XIX века уже отвыкли от иголки: Лиза «с помощью Насти скроила себе рубашку и сарафан, засадила за шитьё всю девичью, и к вечеру всё было готово. Лиза примерила обнову и призналась пред зеркалом, что никогда ещё так мила самой себе не казалась». Ещё бы: всё естественное несравненно лучше вычурного и изысканного. Недаром же молодой барин Алексей, с которым шла знакомиться Лиза в крестьянском обличии, не обращая внимания на дворянок, заглядывался на дворовых девок. Приглянулась ему и Лиза, назвавшаяся дочерью кузнеца. Он, чтобы не смущать застенчивую крестьянку, также нарвался камердинером молодого барина. И тут же встретил Лизину насмешку: «А лжёшь, - сказала она, - не на дуру напал. Вижу, что ты сам барин». На вопрос, почему она так полагает, объяснила: «Да как же барина с слугой не распознать? И одет-то не так, и баишь иначе, и собаку-то кличешь не по-нашему».

Повесть «Барышня-крестьянка» написана в 1830 году. Через пятнадцать лет костюмы городской бедной девушки и молодой дворянки сблизились. Увы — не барышни вернулись к народной одежде: простолюдины заимствовали не лучшие образцы у своих господ. Журнал «Отечественные записки» в 1845 году отмечал пёструю смесь «нижегородского с французским» в костюме городских низов: «Мещанство, которое создало себе какой-то особенный костюм из национального русского и из бусурманского немецкого, где неизбежно красуются зелёные перчатки, пуховая шляпа или картуз такого устройства, в котором равно изуродованы и опошлены и русский, и иностранный типы головной мужской одежды; выростковые сапоги, в которых прячутся нанковые или суконные штанишки; сверху что-то среднее между долгополым сюртуком и кучерским кафтаном; красная александрийская или ситцевая рубаха с косым воротом, а на шее грязный шёлковый платок. Прекрасная половина этого сословия представляет своим костюмом такое же дикое смешение русской одежды с европейскою: мещанки ходят большей частью (кроме уж самых бедных) в платьях и шалях порядочных женщин, а волосы прячут под шапочку, сделанную из цветного шёлкового платка; белила, румяна и сурьма составляют неотъемлемую часть их самих, точно так же, как стеклянные глаза, безжизненное лицо и чёрные зубы. Это мещанство есть везде, где есть только русский народ, даже большое торговое село...»

Не перо славянофила набросало сей этюд - рука сторонника западной цивилизации Виссариона Белинского. Правда, из его высказывания не понятно, что представлялось ему диким в смешении русской одежды с европейскою: остатки национального или не идущие к русскому лицу немецкие картузы? Вероятно, ему по сердцу пришёлся бы русский мужик, облачившийся во всё европейское: там, на Западе, видел «неистовый» Виссарион спасение России.

Ещё Александр Сергеевич Грибоедов мечтал о том, чтобы в России нашёлся человек, «кто мог бы словом и примером нас удержать, как крепкою вожжой, от жалкой тошноты по стороне чужой», ибо неумоготу ему было видеть, как дворяне променяли «и нравы, и язык, и старину святую, и величавую одежду на другую по шутовскому образцу: хвост сзади, спереди какой-то чудный выем...». Герой его комедии «Горе от ума» Александр Андреевич Чацкий, восклицая: «Ах! если рождены мы всё

перенимать», предлагал «хоть у китайцев бы нам несколько занять премудрого у них незнания иноземцев». Когда-то наши предки славилась приверженностью к обычаям старины. В V веке до Р.Х. скифы убили своего царя Скила за то, что тот ездил к грекам и молился их богам, в частности, богу пьяниц Дионису, чего отличавшиеся трезвостью скифы не могли потерпеть. Такая же участь постигла и мудреца Анахарсиса, забывшего свои обычаи и перенявшего греческие.

О возвращении к истокам русской жизни первыми во весь голос заговорили славянофилы - писатели А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, П.В. Киреевский, А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин, К.С. Аксаков, И.С. Аксаков. Кстати, нерусским термином «славянофилы» называли писателей их противники; сами же они своё учение именовали «славяно-христианским», «московским», «истинно русским». Близкий к славянофилам (в переводе с греческого - славянолюбом, любящим славян) поэт А. М. Жемчужников сформулировал отношение славянофилов к сторонникам западной ориентации России:

«Я иначе людей подобных называю...

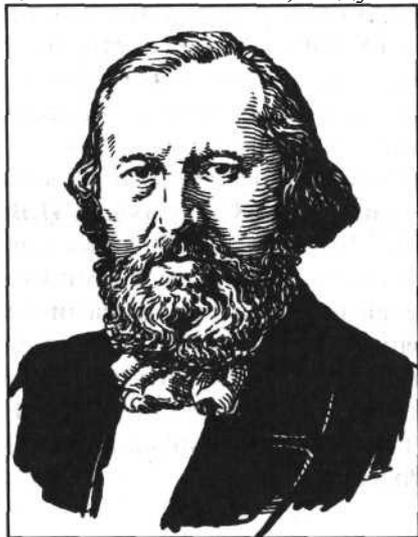
«Космополиты» вы? Прочь громкие слова!

Всегда я презирал и презираю –

Бродяг, не помнящих родства!»

Спасение родины от участи обезверившегося, бездуховного Запада славянофилы искали в сохранении и развитии православия и патриархально-общинных основ, уходящих корнями в быт и нравы допетровской Руси. Они видели: в Европе технический прогресс привёл к расцвету промышленности, но развитие технической культуры там сопровождалось угасанием духовной жизни и прежде всего - нравственности. Повторения ошибок Запада нельзя допустить на Руси - предупреждали славянолюбцы в стихах, рассказах, статьях, распространявшихся в рукописных списках или же передававшихся изустно: их острополемические произведения отпугивали редакторов газет и журналов, а своих типографий и печатных изданий они не имели.

В Европе, утверждали славянофилы, власть завоёвывается насилием. В России - добровольное объединение и добровольное призвание правителей. В Европе - стремление к личной пользе, напряжённость и конфликтность жизни. На Руси преобладание над личным общинного, «соборного», совестливого как главной черты характера русского человека. В Европе - сила материальная, следование формальностям и закону. У нас - сила духовная, следование истине и обычаям отцов. На Западе становление личности сопряжено с её «отъединением», изоляцией от всех. В России же условие расцвета личности - смирение, но «не баранья покорность» факту и событию, а «самоотречение» во имя закона отцов, общины, народа, и, главное, - единства Православной церкви; восстановление внутренне целостной личности, её духовной полноты и свободы неотделимо от такого самоотречения.

Константин Сергеевич Аксаков

Славянолюбцы не только провозглашали свои идеи стремились и следовать им в жизни. Осенью 1843 года Константин Сергеевич Аксаков предложил своим единомышленникам своеобразную форму пропаганды их учения, заключающуюся в отказе от западноевропейских фасонов одежды - сюртуков, шляп, фраков и т.п. - и демонстративном ношении национального платья. Он сшил себе по-древнерусским образцам длиннополый зипун «святославку» и головной убор - «мурмолку», отпустил бороду, считая, что она «есть часть русской одежды», отнятой у нас по приказу Петра I, и стал появляться на московских улицах, в учреждениях, в обществе в таком виде. Вскоре Константин Сергеевич дополнил свой костюм сапогами и красной рубахой.

Молодые дворяне встретили возвращение древнерусского платья восторженно: начали отпускать бороды, шить себе шапки-мурмолки. Надел «святославку» и отец Константина Аксакова, Сергей

Тимофеевич, будущий автор знаменитых «Детских годов Багрова-внука» и «Аленького цветочка».

Знаменитый во второй половине XIX века певец Дмитрий Александрович Агреньев-Славянский, первым из музыкантов признавший простонародную русскую песню непревзойдённым шедевром, первым же вывел своих певцов на сцену в русских национальных одеждах, несмотря на скептические (поначалу) отзывы, устные и печатные. Он купил пароход, назвал его «Певец Славянский», останавливался в волжских городах и — давал концерты, показывая волжанам богатство русской песни. И -- красоту одежды нашего народа. Причём выступали певцы не только в больших городах, но и в таких уездных городках, каким был в то время нынешний Энгельс. Сохранился отзыв очевидца (газета «Саратовский листок», 6 ноября 1883 г.) о концерте хора Агреньева-Славянского в Покровской слободе 1 ноября 1883 года: «Около тысячи человек было втиснуто в зал; стояли на окнах, на столах и где только можно. На улице, вокруг дома, где пел хор г. Славянского, теснилась тысячная толпа, делая вход в зал и доступ к кассе почти невозможным; на окнах торчали головы любопытных, даже на деревьях под окнами, качаясь и обламывая ветки, гнездились мальчишки-шалуны, среди которых там и сям виднелись взрослые «парубки», и даже пушистые бороды, желавшие хотя мельком взглянуть на заезжих к ним «петербургских певцов» (...) Вся слобода поднялась на ноги и даже степенные старцы, которые за великий грех считают всякое какое-либо увеселение, даже и те, к удивлению местного общества, были взволнованы приездом в слободу г. Славянского и пожелали послушать «старину» и увидеть «стародавние одежды».

Кто сейчас слышал об Агреньеве-Славянском? Кто знает, что его жена, Ольга Христофоровна, автор такой известной песни, как «Хас-Булат»? Вероятно, не простили им, что пели они русские песни и в заштатных городках, и перед императорской семьёй, не забыли и наградили забвением, не внеся их имён ни в какие энциклопедии. Что ж... А песня русская всё равно жива. И это- лучший им памятник, подвижникам русской музыки.

Д. А. Агреньев-Славянский

(В наше время старинный русский костюм - косоворотку, сапоги - носит замечательный писатель Дмитрий Михайлович Балашов*, автор исторических романов цикла «Государи московские». Окружающие его наряд воспринимают как чудачество. Мой опыт появления в народном костюме на людях свидетельствует о полном забвении народом своей исконной одежды: в лучшем случае меня спрашивали, в каком фольклорном ансамбле я танцую).

В 1845 году Константин Аксаков напишет стихотворение «Монолог», в котором раскроет глубинный смысл своего облачения в русский костюм: он верил, что одежда, изменяя внешний вид человека, и внутренне преображает его, возрождает его национальное чувство:

«Я надеваю Русскую одежду
И имя самое моё теперь
Звучит мне как бы вновь
Всем Русским звуком...»

Прав ли был Константин Сергеевич? Прошедшие полтора столетия показали: да, прав. Только мы стали свидетелями не того, как русская одежда преображает душу человека, а, напротив - как нерусский

костюм выхолащивает всё национальное в ней. Думаете, джинсы, маечки и шапочки с надписями на английском языке нам поставляют потому, что они прочнее, красивее, удобнее? Отнюдь. Идёт торговая война и психологическое давление: наши дети, одетые как американцы, и ведут себя как янки.

Понимали опасность затеи К. С. Аксакова («русские идут!») и правительственные чиновники, в большинстве своём - не русские. (В книге М. М. Громыко «Мир русской деревни» рассказывается, как в 1858 году группа государственных крестьян из Витебской губернии переселялась в Сибирь. Об отводе им земли они просили председателя Совета Главного управления Западной Сибири фон Фридрихса, а когда начальник межевания барон Сильвергельм отвёл им неплодородные земли, они пожаловались генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорду. Пока суд да дело - сменился губернатор: назначили Дюгамеля).

Император Николай I Павлович (1796—1855)

* Когда версталась эта книга, пришло из Новгорода печальное известие: 17 июля 2000 г. Дмитрий Михайлович Балашов был зверски убит у себя на даче.

Движение «за русское платье», едва набравшее обороты, остановили чиновники: правительство в апреле 1849 года специальным циркуляром запретило дворянам, и прежде всего состоящим на государственной службе, ношение бород. А с отца и сына Аксаковых взяли персональные расписки, по которым они обязывались не появляться в общественных местах «в русской одежде». Хорошо хоть так. Их предшественника, героя Отечественной войны 1812 года генерал-майора Матвея Александровича Дмитриева-Мамонова, когда он в 1816 году, выйдя в отставку и поселившись в своём имении, облачился в русский костюм и отпустил бороду, власть имущие, потерпев 9 лет его «чудачества», всё же добились того, что в 1825 году, в июле, комитет министров объявил «смутьяна» сумасшедшим, и ветеран был заключён под домашний арест.

Не странно ли: по русской земле нельзя ходить в русской одежде! И когда - в правление православного императора Николая I, начертавшего на своём знамени девиз: «Православие, Самодержавие, Народность», чьё царствование прославили имена Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Достоевского, Аксакова, Тютчева, Вяземского, Баратынского, Крылова, Глинки, Даргомыжского, Брюллова, Венецианова, -и это только самые громкие имена, а таланты средней руки исчислялись десятками. Почему же царь, железной рукой задавивший революцию на Сенатской площади в декабре 1825 года, не поддержал русских дворян в их стремлении укрепить один из основополагающих столпов царства - Народность?

Писатель Владимир Александрович Соллогуб (из талантов средней руки), близко знавший государя Николая Павловича, утверждал: царь просто-напросто не поверил славянофилам, так как восстание декабристов «вселило в сердце императора

Николая I навсегда чувство недоверчивости к русскому дворянству и потому наводнило Россию тою мелюзгою фонов и бергов, которая принесла родине столько неизгладимого на долгое время вреда» («Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба, СПб, «Афина», 1993, с. 111).

Пренебрежение знати к одежде простолюдинов убеждало народ не в том, что господа - плохие, а в том, что плохое - всё русское. Слыша из уст тех, на кого принято равняться (а высшее, более образованное и богатое сословие всегда имеет влияние на низшие, которые невольно стремятся уподобиться ему), выражения типа «русская лошадёнка», «русское кушанье», «русская песня», «русская одежда», означающее что-то не стоящее внимания, Иваны да Марьи усваивали: своё русское есть нечто худшее, низшее. Всякий выходящий из массы народной (стоило ему мало-мальски разбогатеть,

получить ли образование или же выбиться в мелкие чиновники) тут же забывал свою одежду и рядился в чужеземное платье.

Но мало того: простолюдины начинали смотреть на господ как на своих врагов! А как же иначе? Встречают по одежке, принимая за врага того, кто облачился во вражескую ливрею. Такой взгляд на свою элиту отличал только русский народ: хотя повсюду в Европе народная одежда отличается от костюма высших классов, однако сохраняет тот же самый тип. Фраки, сюртуки, пальто - не что иное, как те же камзолы, вамсы, носимые в народе, только более тщательно сшитые, из лучших тканей, причём различия идут постепенно, по мере изменения степеней благосостояния различных классов.

А в России за полтора столетия после Петра I строй национальной жизни исказился, в той или иной степени, во всех слоях общества.

«Подумаешь, какие-то там зипуны... Пётр вывел Россию в первые державы Европы!» Что ж, в этом мнении есть резон: военные, флотские, административные, промышленные насаждения Петра дали всходы и заслуживают признательности потомков. Однако Пётр не только любил Россию, но и ненавидел её. Любил её мощь и силу, пытаясь использовать их как материал для постройки государственного здания по образу и подобию европейских стран. Ненавидел же глубинные основы русской жизни, быт, нравы, обычаи, - и то, что сегодня зовётся словом «менталитет», то есть отношение народа к себе и к миру. И если мы так много говорим о Петре, то потому, что истоки русской катастрофы XX века находятся в его преобразованиях, искалечивших народное самосознание и положивших начало отпадению нации от Бога. По меткому замечанию Н. М. Карамзина, «мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Пётр». А философ И. В. Розанов попытался объяснить, как это произошло: «Пётр Великий воплотил живость. Но он же, наивный, воплотил и отказ от Родной Земли, кроме «прав владения». И с тех пор всё живое -отрицательно к родной земле, а всё верное ей — вяло».

Патриарх Никон

Говорят, патриарх Никон, отправляясь в ссылку, проклял Алексея Михайловича и его потомков за то, что царь нарушил симфонию властей (симфония властей — порядок правления, когда патриарх духовно окормляет народ, а царь бережёт ограду церкви и народа — государство, не вмешиваясь в сугубо церковные дела). Проклятие действует до седьмого колена. Выстроим цепочку: Пётр I (второе колено) - Анна Петровна - Пётр III - Павел I - Николай I - Александр II. Император Александр III - уже восьмое колено. В его царствовании Россия стала возвращаться к своим самобытным истокам. Уже упоминалось, что Александр III одел войско в мундиры русского покроя. Пробуждался интерес и к народной одежде у гражданских сословий. Николай II продолжил политику отца. Он и его супруга, императрица Александра Фёдоровна, отличались благочестивостью, любили и поощряли всё русское. Так, в начале XX века они давали балы, на которых гости танцевали в одеждах времён царя Алексея Михайловича. Возможно, сказались впечатления детства, когда его дядя, Великий князь Владимир Александрович давал балы, на которые приглашённые обязаны были приходиться в старинных одеждах. «Правительственный Вестник» в январе 1883 года, сообщив, что 25 января Великий князь Владимир Александрович, облачённый в кафтан русского боярина XVII века, встречал гостей вместе с супругою, Великой княгиней Марией Павловной, на коей был высокий кокошник новгородского образца, шубка и ферязь золотой парчи, украшенная жемчугом, «Правительственный Вестник» замечает, что «вскоре гостиная и танцевальная зала наполнилась русскими боярами, боярынями и боярскими детьми обоего пола, воеводами, витязями, думными и посольскими дьяками, кравчими, сокольничими, ловчими, рын-

дами, конными и пешими жильцами (времён Иоанна IV) варягами, печенегами, запорожцами, казаками; явился думный дьяк с чернильницей и пером за поясом — П. А. Васильчиков, гуслир с гуслиями и другие. Казалось, вся допетровская рать воскресла и прислала на этот бал своих представителей». Патриотические настроения укрепила начавшаяся германская война. Художники В. Васнецов и Б. Кустодиев занимались разработкой униформы для русской армии: идея нового мундира заключалась в том, чтобы придать облику нашего солдата черты древнерусского воина. Художники изучали подлинные образцы древнерусского воинского снаряжения из Оружейной палаты Кремля и других музеев. По их рисункам и чертежам пошили солдатские шапки, похожие на древнерусские шлемы. Однако надели их уже не солдаты императорской армии - бойцы-красноармейцы конной армии, и эта шапка вошла в историю под именем «будёновки».

Однако идея самодержавия к началу века стала настолько непопулярной в образованных слоях общества, что, к примеру, живописцу В. Серову его друзья не подавали руки: он писал портреты августейших особ, и ему приходилось оправдываться, мол, не устоял перед большим гонораром.

Дмитриев, автор «Путеводителя от Москвы до Санкт-Петербурга» (М., 1899), описывая костюм торопчанки, ухмылялся: «...в таком наряде внучка с прабабушкой, очень сходные между собой, щеголяли за 200 лет, щеголяют и теперь, но сделать какую-либо перемену в костюме - было бы ужасным преступлением». В городах уже всюду шла самая подлая из войн - сражались отцы и дети. И дети, науськиваемые чужими дядями-звонарями из Лондона, - побеждали, презрев пятую заповедь... Деревня же пока держалась, не вступая в распри поколений, что и злило путешествующего автора.

Однако к началу XX века зараза нововведений стала проникать и в сёла. Ещё в 1870-х годах граф В. А. Соллогуб сетовал: «В прежние годы постоянная оседлость образовала потребность. У каждого семейства был свой приход, свой неизменный круг родных, друзей и знакомых, свои предания, свой обиход, своя заветная мебель, свои нажитые привычки. Железные дороги всё это изменили. Теперь никому дома уже не сидится. Жизнь не привинчивается уже более к почве, а шмыгает, как угорелая, из угла в угол. Семейственность раздробляется и кочует по постоянным дворам. Может быть, это имеет свою хорошую сторону относительно общего рода просвещения, но мы, старожилы, не можем не пожалеть об условиях прежнего тесного семейного быта».

Развитие сети железных дорог совпало с отменой крепостного права, и мужики на зиму стали всё чаще и чаще отправляться в города на заработки. Там их и подстерегало «просвещение». «С развитием отходничества праздничная одежда крестьянина сравнялась с одеждой городского мещанина и мастерового, - писал в книге «Лад» В. И. Белов. - Большое влияние на неё всегда оказывала военная и прочая форма. Картузы, фуражки, бескозырки, гимнастёрки, ремни разрушали народные традиции не меньше, чем зарубежное или сословное влияние».

Несомненно: народный костюм не предполагал однообразия и постоянства. Тяга к обновлению, неприятие стандарта исходили и из самих недр народной жизни. Но изменения соизмерялись со всем укладом жизни, мировоззрением. Если бальные платья светских красавиц донельзя обнажали плечи, то костюм крестьянки скрывал даже руки по самые кисти. Почему? В народе сохранялись православные понятия греховности всего плотского, высшие же сословия, воспитанные в католическом духе на европейской живописи, имели уже другие представления о грехе. Потому-то и покрой бальных платьев не контролировался здоровым народным вкусом, особенно во времена общего нравственного упадка.

Случалось, правда, что и крестьянки заимствовали формы платья у дворянок, если эти формы не противоречили их вкусам. Так, в начале XIX века в России в моду вошли «греческие» платья, подпоясанные под грудь. Вскоре традиционный сарафан крестьянки стали подпоясывать также под грудь.

Впрочем, крестьянки не имели надобности в непрерывной смене покроя, как женщины высших сословий. Хорошо объяснил причину мелькания мод в дворянских усадьбах Н.Я. Данилевский: «Если народные моды изменяются не столь часто как моды светского общества, то вовсе не по каким-либо особым свойствам народности костюма, в противоположность общеевропейскому, а потому, что праздность, пустота светского общества и особенно женской его половины, находит в этой непрерывной перемене главнейшее содержание, наполняющее эту пустоту его жизни. Переменчивость эта зависит много и от того что управление модами попало в руки французов, народа легкомысленного и переменчивого по преимуществу» (Н.Я. Данилевский. «Россия и Европа», М., «Книга», 1991, с. 273).

В XIX веке одежда резко делилась на барскую и народную. Народная отличалась по губерниям, сообразно климату, традициям обычаям. XX век революционным катком уравнил всех и вся, и крестьяне, лишённые своих ткацких станков, своих земельных наделов, вынужденные покупать одежду в магазинах (а она обезличилась: во Владивостоке на прилавках лежали блузки - близнецы воронежским,

калужским, тульским), крестьяне стали колхозниками, облачённые в одежды, похожие друг на друга, как... Красота русской одежды ушла в прошлое.

Навсегда?

Василий Андреевич Жуковский, грустив о людях, близких его сердцу, уже оставивших земные пределы, утешал себя:

«Не говори с тоской: их нет!
Но с благодарностию: были».

Будем и мы благодарны нашим предкам, оставившим нам такое богатое наследство: стоит только захотеть - и оживут старинные костюмы, дивные в своей красоте... Захотим ли.

